

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О.И. ШКАРАТАН

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДНИХ СЛОЕВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Средние слои в позднеэтакратическом российском обществе

Примерно до 1997 г. автор этой статьи был твердо убежден, что, несмотря на все объективные трудности и ошибочные действия властей, в стране идет процесс становления конкурентной рыночной экономики и демократического общества. Наш вывод в 1996 г. звучал так: «Переход от стратификации иерархического типа, в которой позиции индивида и социальных групп определялись их местом в структуре государственной власти, степенью близости к источникам централизованного распределения, к доминирующей в цивилизованном мире классовой стратификации совершается с исключительной быстротой. Властные отношения все в большей мере уступают собственническим» [1, с. 312]. В этом контексте мы рассматривали и вопрос о среднем классе и его перспективах, полагая, что происходит болезненный процесс «...перехода от принадлежности к размытой межслоевой группе — интеллигенции к вхождению в состав профессионалов как ядру будущего среднего класса» [1, с. 306].

В последующие годы анализ положения и защищенности интересов и социальных прав средних слоев шел параллельно с работой над концепцией постсоветской социетальной системы. Общественное

Шкаратан Овсей Ирмович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-экономических систем и социальной политики Государственного университета — Высшая школа экономики, главный редактор журнала «Мир России». Адрес: 101987 Москва, ул. Мясницкая, 20. Телефон: (095) 928–53–20. Электронная почта: ovsey@hse.ru, shkaratan@voxnet.ru

устройство современной России — прямое продолжение существовавшей в СССР этакратической системы, первооснову которой составляли отношения типа «власть—собственность»; социальная дифференциация в стране имела неклассовый характер и определялась рангами во властной иерархии. В отличие от большинства восточноевропейских стран в России не произошел поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики. Присущие этакратическому обществу отношения «власть—собственность» стали выглядеть как частнособственнические, но по существу не изменились.

В ходе реформ административно-командная номенклатура, единственная группа советского общества, обладавшая осознанными интересами и самоидентификацией, сохранила контрольные позиции во власти, закрепила за собой в процессе приватизации большую часть государственной собственности. Были сорваны попытки проведения не номенклатурной, не контролируемой политически властвующими группами приватизации. К выгоде политикообразующего бизнеса была законсервирована неполная приватизация, а отношения собственности остались непрозрачными. Приватизированная собственность в России не является частной в строгом смысле слова.

Средний и малый бизнес был вытеснен на периферию экономики, где стагнировал на протяжении 1990-х — начала 2000-х годов. Сложившиеся отношения власти и бизнеса, при которых бизнес выступает в качестве зависимого социального субъекта, характеризует современную социетальную систему России как позднеэтакратическую. Не случайны торможение развития малого и среднего бизнеса, упорное игнорирование прав профессионалов на интеллектуальную собственность, правовая незащищенность наемных работников. Это органичные свойства либеральной по форме и этатистской по содержанию экономической и социальной системы. Таким образом, речь идет об особой советско-постсоветской цивилизационной модели, сущностно отличной от европейской (атлантической) по институциональной структуре и системе ценностей.

Проблема среднего класса в отечественной литературе

К среднему классу зрелого индустриального и информационного общества обычно относят группы самостоятельно занятых, то есть мелких предпринимателей, коммерсантов, ремесленников. Это традиционный средний класс, с длительной историей, который в ином концептуальном контексте именовался мелкой буржуазией. Но наряду с ним все большее значение приобретает «новый средний класс», который сформировался к 1960–1970-м годам. В его состав входят хорошо оплачиваемые наемные работники в области науки, информатики, массовой информации, искусства, а также административные, торговые и инженерно-технические работники, врачи, менед-

жеры, лица свободных профессий. Они образуют верхний слой среднего класса. К среднему классу относят также учителей школ, средний медицинский персонал, работников социальных служб, служащих государственных учреждений, техников, торговых агентов и т. д. Если традиционный средний класс обладает собственностью на средства производства, то новый средний класс — человеческим капиталом. Последний делает его носителей сравнительно независимыми, активными участниками гражданских отношений.

В первой половине 1990-х годов дискуссия по проблемам российского среднего класса имела предвзятый идеологический характер; ее участники делились на защитников советского прошлого и сторонников рыночных реформ. Некоторые авторы — исходя из профессиональных категорий, характеризующих западные общества, — доказывали, что к концу существования Советского Союза сложился массовый средний класс, который в ходе реформ стал исчезать. Он обладал социально-экономическими и ценностно-нормативными чертами, присущими среднему классу Запада. Имелась в виду та группа образованных людей, которая была занята интеллектуальными видами труда, а также высококвалифицированные рабочие, занятые в материальном производстве. Представители этой группы обычно имели собственный автомобиль, отдельную квартиру, садово-дачный участок и второе, пусть и не совершенное, жилище (дачный домик). Отмечалось также, что они были активными потребителями и уделяли достаточное внимание состоянию своего здоровья и образованию детей.

По мнению этих авторов, советская модернизация при всех издержках обеспечила формирование уникального социального объекта — массовой интеллигенции с ее огромным интеллектуальным потенциалом. Именно интеллигенция и, прежде всего, ее «ядро», тончайший высокоинтеллектуальный слой общества, откуда, кстати говоря, произошли и либералы-реформаторы, подготовили преобразования России. Однако на протяжении 1990-х годов реформы разрушили прежние слои среднего класса и не смогли создать экономическую и социальную базу для ожидаемых новых.

Определяющим критерием среднего класса позднесоветского периода считался уровень образования. Предположим, что эта позиция верна, но несколько скорректируем ее. Добавим к показателю числа лиц с высшим образованием показатель его соответствия мировому уровню. В СССР были блестящие вузы мирового уровня (МФТИ, МИФИ, МГУ, Ленинградский политехнический и др.). Но вспомним научные дискуссии 1960–1980-х годов, посвященные избыточному производству инженеров, иллюзорности заочного и вечернего образования, низкому качеству высшего образования в ряде вузов. Поэтому отнести всех, кто в позднесоветское время занимал должности, требующие высшего и

среднего специального образования, всех, кто имел это образование, к потенциальному резерву среднего класса и тем более — к уже существовавшему, но размывавшемуся в процессе реформ среднему классу нет никаких оснований.

Те, кто при Б.Н. Ельцине активно влиял на формирование экономической политики, в особенности на характер приватизации, занимали прямо противоположную позицию. Они утверждали, что в СССР никакого среднего класса не было. Становление этого класса, по их мнению, началось в процессе реформирования постсоветской России. Впервые после октябрьского переворота 1917 г. достаточно зажиточные люди — мелкие и средние предприниматели, работники частных банков, брокерских, дилерских, риэлторских и т. п. фирм — образовали средний класс. И эти группы всё в большей мере проявляют типические черты, присущие среднему классу в поведении, самоидентификации, принятии определенной системы ценностей.

Острота дискуссий вокруг проблем отечественного среднего класса не ослабевает. В 1999 г. Е.М. Аврамова писала: «Наличие, расширение и мобилизация среднего класса рассматриваются сегодня как свидетельство эффективности проводимых в России преобразований, как критерий того, что реформы идут в правильном направлении и приобретают необратимый характер... В то же время несформированность среднего класса после десяти лет реформ служит аргументом тех, кто настаивает на радикальном изменении политического курса» [2, с. 21–22]. Обе оппонирующие точки зрения основывались на идеологических конструкциях, обычно подкрепляемых отдельными примерами и рассуждениями о доле лиц с высшим и средним специальным образованием и о нижней границе доходов на члена семьи как определяющих критериях при оценке принадлежности к среднему классу.

На протяжении долгих лет не проводилось специальных исследований, посвященных проблемам среднего класса. Начиная с 1998 г. вышел ряд научных публикаций по этой проблематике [3–7 и др.]. Выделим исследование «Средний класс в России», выполненное Российским независимым институтом социальных и национальных проблем и Центром социального прогнозирования в феврале–марте 1999 г. Его целью было определить меру сохранности среднего класса после финансового кризиса 1998 г., а также выявить ресурсы для восстановления и поддержания среднего класса.

Авторы этой работы в качестве структурных элементов среднего класса априори выделили следующие социально-профессиональные группы: квалифицированные рабочие; техническая интеллигенция; гуманитарная интеллигенция; работники сферы торговли, услуг, транспорта; служащие (государственные служащие, юристы и т. п.); предприниматели малого бизнеса; фермеры; кадровые военные

(старшие офицеры); менеджеры (руководители высшего и среднего звена). Критерием отнесения к среднему классу перечисленных социально-профессиональных групп служил уровень душевого дохода — не ниже 1500 рублей в месяц, то есть примерно \$ 60–70. (Хотя очевидно, что доход \$ 60–70 не соответствует издержкам на воспроизводство представителей среднего класса при самых заниженных требованиях, это скорее граница бедности.) Переход к верхнему среднему классу, по мнению авторов, начинается с 3000 рублей в месяц, то есть примерно с \$ 120–130.

Респондентам предлагалось оценить свой социальный статус по 10-ти балльной шкале, где 1 — высшая позиция, а 10 — низшая. К высшему среднему классу были отнесены причислившие себя к 1-й — 3-й позициям, к собственно среднему классу — оценившие свой статус в 4–6 баллов, к нижнему среднему классу — в 7–8 баллов. Эксперты выделили факторы, которые влияют на самооценку: это (в порядке убывания) материальное положение, образ жизни, престижность профессии, уважение окружающих, уровень образования и квалификации, связи и знакомства. Опираясь на эти данные, авторы сформулировали свои выводы о современном российском среднем классе, его социальной структуре, материальном положении, миграционной, профессиональной, статусной мобильности, характере выполняемой работы, структуре досуга, политических установках и т. д.

Другая группа исследователей (Бюро экономического анализа) использовала в качестве основных критериев показатели материально-имущественного положения (доходы — по самооценке, владение недвижимым и движимым имуществом); образования и профессионально-квалификационного статуса; самоидентификации и стратегии. Количественный анализ распространенности отдельных объективных критериев, взятых из различных статистических и социологических источников, привел авторов к выводу, что эти характеристики присущи значительным по размеру социальным группам: по уровню дохода — 30–55% домохозяйств; по уровню образования — 20–40%, по профессионально-квалификационному статусу — 35–45%, по критерию самоидентификации — 40–65% занятого населения.

В целом приведенные признаки среднего класса распространяются на подавляющее большинство домохозяйств — более 80% имеют хотя бы один признак. Авторы исследования выделяют «идеальный» средний класс и протосредние классы. «Идеальный» средний класс, или ядро среднего класса, по разным данным составил от 19,7% до 25,6% населения. Протосредние классы в зависимости от их будущей стратегии и социально-экономического положения в стране могут перейти в состав ядра, тем самым увеличив его численность [6].

В фундаментальной монографии под редакцией Т. Малевой «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии»

[4] содержатся менее оптимистические оценки доли средних классов в составе населения России. Но если основательная фактуальная база исследования и методический инструментарий заслуживают позитивной оценки, то концептуальные подходы вызывают сомнение в устойчивости всей исследовательской конструкции. Авторы выдвигают в качестве «основополагающего методологического принципа» утверждение, что всегда, во всех обществах существовали средние классы. При этом не учитываются преобладавшие в истории человечества кастовые, сословные и иные системы неравенства; кстати говоря, именно к России трудно приложимо понятие «средний класс», да и, для большей части ее прошлого, понятие классов вообще. Отказ от определения «строгих границ» среднего класса требует признания неких системных пограничных размежеваний по основополагающим признакам, в частности, с рабочим классом, или, в иной понятийной цепочке, — с низшим классом (ср., например, с подходом Э.О. Райта [8, р. 19-57]). Трудно полностью принять и выводы авторов, особенно касающиеся описания ядра среднего класса. По их мнению, «ядро средних классов представлено высокообразованным населением, сформировавшимся в семьях с хорошо образованными родителями, проживающим преимущественно в городах, активно включенным в социальные коммуникации и имеющим для этого современные средства информационных технологий» [4, с. 269]. Это столь малая часть наших сограждан, что именовать их ядром, да еще целого класса, как-то не получается.

Некоторые социологи в качестве исходной информации использовали материалы мониторингов ВЦИОМ, весьма надежный источник данных о настроениях, мнениях и оценках населения России, позволяющий изучать «субъективный средний класс». Такую работу проделала, в частности, Л.А. Хахулина [9]. Однако из мониторингов ВЦИОМ нельзя получить определяющие данные об объективных характеристиках социальных групп, как это пытались сделать (думается, за отсутствием возможности опереться на адекватные источники информации) вполне компетентные социологи. С нашей точки зрения, при решении такой научной задачи опросы общественного мнения не могут заменить специализированных социологических исследований.

Итак, первый вопрос, который встает перед исследователем: что представляет собой объект изучения — средний класс наподобие среднего класса в странах Запада или же некие аморфные средние слои со специфическими чертами? Необходимо понять, какие группы трансформирующегося общества, помимо предпринимателей, могут стать центрами кристаллизации среднего класса. М. Кивинен отмечает, что многие русские исследователи связывают проблему среднего класса в первую очередь с собственностью. Но по опыту Запада сегодня средний класс — это, прежде всего, наиболее привилегированная

группа наемных работников. Ресурсы власти нового среднего класса связаны не с собственностью, а с профессиональными навыками и стратегиями.

Однако в России в советское время использование ресурсов власти, представляемых профессионализацией, было ограничено. Здесь никогда не было национального рынка по профессиональным сегментам. Профессии функционировали внутри основных бюрократических организаций. Многие профессии к тому же находились в зависимости по отношению к доминировавшей идеологии. Традиционный образ мышления и этос русской интеллигенции были далеки от профессионализма, от специализированного труда («ремесла»). Поэтому в России, по Кивинену, становление среднего класса определяется перспективой формирования профессий как социального института, связанного с предпринимательством [10, с. 134–142].

Казалось бы, в России есть все те профессиональные категории, которые образуют ядро среднего класса на Западе. Однако следует учесть, что нет однозначной связи между профессиональной принадлежностью и классовой идентификацией. Большинство представителей образованной части общества в сравнительно недавнем прошлом принадлежали к размытой межслоевой группе — интеллигенции. Но это еще не сам средний класс, это лишь «материал» для среднего класса. Сейчас они переживают весьма болезненный процесс вхождения в состав профессионалов. И не во всяких конкретно-исторических обстоятельствах современные профессионалы в сфере социальных отношений реализуют себя как средний класс.

Необходимо помнить, что социальная группа, слой определяются не только характером экономической деятельности. Как отметил несколько лет назад В.И. Умов (и эти слова, к сожалению, не устарели), «они (профессионалы в России. — *О.Ш.*) почти всегда взаимоизолированы и не образуют общность, обладающую собственной идентичностью. Центры кристаллизации среднего класса рассеяны в общественном пространстве и весьма слабо просматриваются на фоне социально и политически активных номенклатурных, корпоративных и мафиозных структур» [11, с. 29].

Для формирования в структуре общества среднего класса (помимо характера экономической активности) необходимы: определенные стереотипы поведения, установок, система ценностей; самоидентификация, самоорганизация как общности; определенное качество (не уровень, а именно качество) жизни (медицинское обслуживание и охрана здоровья, рациональное питание, добротное и перспективное образование детей и т. д.); капитал или интеллектуальный ресурс, позволяющий обеспечивать относительную устойчивость социального статуса, экономическую и гражданскую

независимость. Соответствуют ли всем этим критериям группы, определяемые некоторыми исследователями как претенденты на статус представителей среднего класса России? Классы не лопаются, как мыльные пузыри, в периоды экономических встрясок, наподобие дефолта 1998 г., и не возникают от появления какого-то процента покупателей с непустыми бумажниками.

Конечно, можно рассуждать и о специфичности среднего класса России; о том, что не все основные признаки среднего класса западных стран применимы к нашему собственному новообразованному классу, то ли по его молодости, то ли по его национальной специфике. Здесь возникает дилемма: следует ли к различным объектам анализа применять одно и то же понятие, но с оговорками о несовпадении (о неполном совпадении) их сущностей, либо для каждого из объектов необходимо использовать адекватные понятия, позволяющие эти объекты различать? Вопрос о том, направлена ли государственная политика на стимулирование либо на препятствование возникновению и развитию среднего класса (средних классов), не менее важен, чем длительно и продуктивно дискутировавшийся вопрос о его наличии или отсутствии в России. Однако сама идея о защищенности средних слоев — «кандидатов» в средний класс — никогда не обсуждалась. На протяжении всего постсоветского периода государство игнорировало интересы и без того неокрепших средних слоев, ущемляло их социально-экономические права. Основная проблема, которой посвящено наше исследование, — защищенность социальных прав средних слоев в современной России, а также влияние социальной политики на состояние человеческого потенциала основных продуктивных слоев общества.

Информационная база исследования

Факт существования российского среднего класса требовалось проверить на надежном эмпирическом материале. Очевидно, что любая логически обоснованная позиция в столь актуальном вопросе может быть столь же обоснованно опровергнута путем не менее логически корректной оппонирующей аргументации. Поэтому прежде всего надо было найти надежный и адекватный источник информации, позволяющий выявить социальную дифференциацию российского общества в целом и наличие в его составе тех или иных социальных групп.

Выбор источника информации предполагает принятие определенных критериев социальной дифференциации. Российские исследователи, изучающие субъективный статус, придают решающее значение активности социального субъекта — индивида, который преследует свои цели, используя все имеющиеся в его распоряжении ресурсы; при этом нередко основными ресурсами для достижения или поддержания статуса признаются личностные, социально-

психологические качества. Мы же придерживаемся более традиционной позиции: индивиды рассматриваются либо как элементы социальной системы (структуры), и их действия в решающей степени детерминированы их местом в системе социоэкономических отношений, либо как элементы культурной системы, и их действия определяются нормами и правилами, сложившимися в данной культуре (например, в «культуре бедности» или в «культуре среднего класса»); индивидуальное действие рассматривается как результат социальных переменных, а не личностных качеств.

Таким образом, первой задачей было получение информации, позволяющей определить характеристики средних слоев населения. В октябре–ноябре 2002 г. под руководством автора статьи прошел представительный общероссийский опрос по проблемам социальной стратификации и социального воспроизводства (в значительной части поддержанный Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ)). Объем выборочной совокупности после коррекции первоначальной выборки в 2500 респондентов составил 2414 человек, были определены представительность регионов и многоступенчатость выборки (методические вопросы исследования изложены в: [12]).

Поскольку в процессе исследования собиралась информация о социальном статусе трех поколений — самого респондента, обоих его родителей и его старшего ребенка — наши данные отражают социальное происхождение и социальные связи респондентов, их самоидентификацию и характер воспроизводства. Если принять во внимание разновозрастность опрошенных, то станет очевидным, что мы получили возможность конструировать группы, различающиеся по характеру воспроизводства социального статуса, выявления институциональных факторов, определяющих в современной России закреплённость в средних слоях. Представительный опрос экономически активного населения России позволил определить объективное состояние человеческого потенциала средних слоев, их «болевы́е точки». Более того, на основе собранной информации мы смогли на статистически представительном уровне показать воспроизведение нормативно желательных и нежелательных типов поведения, некоторые способы адаптации к нормативной структуре общества, приводящие, как показывает анализ и законодательства, и реальных фактов, к массовому отклоняющемуся поведению самых продуктивных социальных групп.

Изучение механизмов защиты социальных прав и интересов этих групп населения потребовало специальных углубленных интервью, которые проводились в мае–ноябре 2003 г. в Москве, Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде. По оценке экспертов, именно в этих городах положение и предпринимателей из средних слоев, и

профессионалов наиболее благополучно. Это дало основания предположить, что высказывания интервьюируемых будут в большей мере отражать те аспекты жизнедеятельности средних слоев, которые зависят от политики федеральных властей, а не от поведения местной бюрократии. Представительный опрос позволил уточнить, какие именно темы необходимо обсудить как с экспертами, так и типическими представителями групп бизнесменов и профессионалов, чтобы выявить воздействие проводимой федеральными властями социальной политики на жизнь средних слоев.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе опрашивались эксперты. В их состав вошли акторы социальной политики: представители местной власти; руководители общественных фондов и предпринимательских объединений; профсоюзные деятели; аналитики, имеющие опыт предпринимательства; исследователи и аналитики социально-экономического положения предпринимателей и профессионалов. Всего проведены углубленные интервью с 29 экспертами, хорошо разбирающимися во всем, что касается положения представителей средних слоев, их потребностей и интересов, их защищенности по линии формальных институтов и реальных практик¹.

На втором этапе летом–осенью 2003 г. проводились углубленные интервью с профессионалами и предпринимателями². Всего опрошено 18 профессионалов (в Москве — 7, Санкт-Петербурге — 8, Нижнем Новгороде — 3). Среди них — инженеры, преподаватели университетов и средних школ, врачи, экономисты, научные работники. Возраст интервьюируемых — от 26 до 59 лет, из них старше 45 лет — 9 человек; большинство (11 чел.) — женщины; все это отражает реальную демографическую ситуацию группы профессионалов — их

¹ В число экспертов вошли: директор Социологического института РАН и президент ЗАО страхования предпринимательства «Сфинкс» профессор А.В. Тихонов; председатель Комитета государственного имущества администрации Ленинградской области А.Е. Смоловик; директор Центра проблем государственного управления, эксзаместитель министра труда РФ П.М. Кудюкин; начальник аналитического отдела аппарата Законодательного собрания Санкт-Петербурга А.А. Вейхер; президент Фонда социальной поддержки и защиты граждан «Благовест» М.И. Воронкова; генеральный директор агентства по подбору персонала ООО «Альфа Персонал» Т.И. Казеннова; помощник руководителя департамента поддержки и развития малого предпринимательства правительства Москвы Н.А. Аверин; заместитель руководителя департамента занятости администрации Нижнего Новгорода Л.В. Болнов; председатель объединения малых и средних предпринимателей г. Москвы «Монолит» С.А. Булдаков и другие.

² Интервью проводили аспирант Высшей школы экономики И. Иванов и студентка магистратуры того же университета Г. Туматова.

старение и уход мужчин младших возрастов в сферу бизнеса. Тогда же были опрошены и 42 предпринимателя (в Москве — 18; Санкт-Петербурге — 11; Нижнем Новгороде — 11); из них в промышленности заняты 9 человек, в торговле — 11, в строительстве — 5, в сфере бытовых и бизнес услуг (туризм, ресторанный бизнес, консалтинг, бухгалтерский учет и аудит и т. д.) — 17. Подавляющая часть опрошенных предпринимателей малого и среднего бизнеса — мужчины (40 из 42) в возрасте от 26 до 56 лет. Высокая активность респондентов подтвердила актуальность темы исследования и способствовала достоверности полученной информации.

Направленность стратификационных процессов и проблема перехода от средних слоев к среднему классу

Особое внимание было уделено вопросу, имеющему определяющее значение с точки зрения перспектив развития России: существует ли в стране средний класс и если да, то какие группы населения могут стать центрами его кристаллизации? Представительный опрос в октябре–ноябре 2002 г. в значительной части специализирован на изучении тех профессиональных групп экономически активного населения страны, которые по таким показателям, как характер занятий и жизнедеятельности в целом, образуют если не средний класс, то средние слои, представляющие потенциальных кандидатов в средний класс. Мы верифицировали названные выше характеристики среднего класса, основываясь на базе данных 2002 г., и попытались определить долю респондентов, которые обладают всей совокупностью этих свойств. Данные в таблице³ подтверждают наше предположение, что в условиях позднеэтакратического общества, то есть в современной России, среднего класса как опорной конструкции социальной структуры нет и быть не может. Наблюдаемое рассогласование статусов демонстрирует это вполне отчетливо. По нашим расчетам, всего лишь 2,1% респондентов характеризуются синдромом среднего класса.

В то же время образ жизни предпринимателей во многом характеризуется системными свойствами образа жизни представителей среднего класса. Большая часть предпринимателей, проинтервьюированных летом–осенью 2003 г., проживают в собственных квартирах (80%), некоторые из них часть вне рабочего времени проводят в городе, в своей квартире, а часть — на даче. Квартиры у респондентов, как правило, 3-х комнатные, на каждого члена семьи в среднем приходится 9–13 кв. м жилой площади. Количественные различия в их личном имуществе (включая и наличие автомобиля) незначительны.

³ Таблица составлена М.А. Авиловой при подготовке магистерской диссертации на тему «Критерии выделения среднего класса в российском обществе» (научный руководитель — О.И. Шкаратан, 2003 г.).

Таблица

Интегральная оценка предполагаемой доли среднего класса в составе экономически активного населения России на ноябрь 2002 г.*

Критерий выделения среднего класса	Параметры выделения среднего класса по каждому критерию	Качественная оценка среднего класса	Количественная оценка среднего класса, %	
Материальное положение	Оценка материального положения	Испытывают затруднения только при покупке предметов длительного пользования	42,3	9,8 (5,6)**
	Недвижимое имущество	Собственный дом (часть дома) или многокомнатная квартира, либо однокомнатная квартира + дача или гараж	76,7	
	Движимое имущество	Не менее шести предметов долгосрочного пользования, купленных после 1991 г.	17,4	
Образование	Уровень полученного образования	Не ниже среднего специального при условии владения иностранным языком или наличия навыков работы на компьютере	32,2	23,11 (0,5)
Профессиональный статус	Профессия, квалификация	Требующая образования не ниже среднего специального	39,5	
Качество жизни	Экономическая компонента	Использование платных медицинских и (или) образовательных услуг для членов семьи; отдых на курортах, на частных дачах, туризм в России и за рубежом	42,5	28 (0,41)
	Социокультурная компонента	Собственная библиотеки не менее 100 томов; культурно-досуговые мероприятия не менее 11 в год	53,2	
Самоидентификация	Оценка собственного социального статуса по 10-ти балльной шкале	Самооценка не ниже 5 баллов	52,9	23,3 (0,91)
	Причина такой самооценки	Не только на основе материального положения	69,4	
	Профессия близкого друга (супруга/и)	Профессия требует образования не ниже среднего специального	47,2	(23,6)***
	Образование близкого друга (супруга/и)	Не ниже среднеспециального	69,2	(42,5)

* Интегральная оценка доли представителей среднего класса в составе экономически активного населения России в октябре–ноябре 2002 г. на основе комбинации приведенных в таблице признаков — 2,1%.

** В скобках указан процент, на который увеличивается доля представителей среднего класса при включении данного критерия.

*** В скобках указана цифра, относящаяся к супругу (супруге).

Предприниматели достаточно активно делают сбережения, хотя формы этих сбережений не отличаются разнообразием. Фактически в их руках сосредоточена основная масса валютных сбережений. Они стремятся делать вложения в развитие собственного дела, заботятся о получении качественных медицинских услуг, часто прибегают к платным медицинским и образовательным услугам. Большинство из них (64%) проводят отпуск в домах отдыха, пансионатах, гостиницах; 24% выезжают за границу, а 12% отдыхают дома или на даче.

Латентная сущность государственной социальной политики по отношению к средним слоям

Одним из определяющих направлений социальной политики в стране, переходящей от этатристической к частнособственнической системе, является государственно регулируемое формирование социальной группы собственников-предпринимателей. Именно они должны были бы стать каркасом эффективной постиндустриальной экономики. С начала реформ не было недостатка в клятвах и заверениях со стороны ельцинского руководства о всесторонней поддержке предпринимателей как основы среднего класса и социальной базы демократического режима. Однако, как известно, дело не в заверениях, а в реальных акциях, зачастую, казалось бы, не очень-то и крупных.

Если обратиться к законодательным и нормативным актам, то может сложиться впечатление, что в стране созданы все необходимые предпосылки для ускоренного роста предпринимательства и превращения его в стратегический фактор социально-экономического развития. В соответствии с Конституцией РФ каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. В Российской Федерации регламентация отношений в сфере предпринимательской деятельности осуществляется гражданским законодательством. В Гражданском кодексе РФ (ст. 2) прямо указывается, что «гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием». Причем можно даже посчитать, что в системе российского гражданского права формируется определенная совокупность взаимодействующих правовых норм, регламентирующая относительно самостоятельную систему общественных отношений, которые могут составлять особый гражданско-правовой институт — предпринимательское право.

Наш Гражданский кодекс формально обеспечивает основные права и свободы предпринимателей. К ним относятся принципы: дозволительной направленности гражданско-правового регулирования, равенства правового режима для всех субъектов гражданского права, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, неприкосновенности собственности, свободы договора, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств по территории Российской Федерации. Однако в России неформальные практики нередко доминируют над законом. В работах отечественных социологов эти вопросы основательно изучены. В этом отношении можно признать итоговой книгу «Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики», изданную в 2002 г. под редакцией Т.И. Заславской [13].

Анализ данных о состоянии и динамике развития предпринимательства показывает, что в Российской Федерации лишь формально созданы (и то — в незавершенном и противоречивом виде) правовые предпосылки эффективной предпринимательской деятельности. Эксперты и бизнесмены, с которыми мы беседовали, существующие условия для функционирования и развития бизнеса оценивают как дестимулирующие. Это относится и к реальной правоприменительной практике, и к действующему законодательству, включая новые законы, принятые за последние четыре года: *«Меняют на ходу, а то и задним числом правила игры»; «Не надо так часто менять инструкции, нормативные акты, предпринимателям нужно время для применения изменений»; «К числу препятствий на пути создания и развития компании относятся и недостаток информации, какие постановления и как действуют».* Существенным негативным фактором является непрозрачность системы налогообложения, что позволяет чиновникам весьма вольно ее толковать. *«Положение предпринимателей у нас плохое. Предприниматель не имеет поддержки со стороны государства, учитывая, прежде всего, налоговую систему. Неотработанная налоговая система не дает возможность предпринимателю работать».*

По мнению большинства предпринимателей, при возникновении хозяйственных споров лучше обращаться куда угодно, но только не в судебные инстанции. Во-первых, невозможно предсказать исход дела из-за противоречивости законодательства; во-вторых, чрезмерно велики сроки судебного разбирательства; в-третьих, отсутствует надежда на исполнение решения. Кроме того, и это самое тревожное, многие из опрошенных столкнулись в ходе разбирательств с силовыми методами. Эти отношения ставят малый и средний бизнес в сложное положение: *«С милицией лучше не работать, когда силовые органы говорят: “Окажите нам услугу, мы же вас защищаем” — это неправильно»;* *«Сегодня милицейская крыша, крыша силовых структур более страшная, чем бандитская крыша, так как там более ненасытные люди и играют совсем по другим правилам. Безопасней всего не сталкиваться ни с теми, ни с*

другими»; «Быть в безопасности — значит не сталкиваться с государственными органами». В результате притеснений и бюрократических препон малое и среднее предпринимательство у нас пока более или менее нормально функционирует только в торговле и производстве некоторых продовольственных товаров. А ведь мелкое и среднее предпринимательство составляет неотъемлемую часть здоровой экономики процветающего общества. В развитых рыночных экономиках мелкое и среднее производство обеспечивает 60–80% общей занятости, в России — порядка 11%.

Во многом с таким отношением к малому бизнесу связано то обстоятельство, что в теневой экономике на начало 2002 г. трудилось 8,2 млн. человек, то есть больше 12% всех занятых. Шире всего в теневом секторе представлены торговля, общественное питание, сельское и лесное хозяйство. При этом для 6,5 млн. наших сограждан это был единственный вид занятости, а для остальных — источник дополнительного дохода. Таковы данные Госкомстата. Аналитики Всемирного банка считают, что в теневом секторе занято гораздо больше людей и он составляет примерно 45% российской экономики. «Финансовые известия» опросили более 100 представителей теневого бизнеса. Главными причинами, мешающими им легализоваться, названы неуверенность в стабильности налоговой политики государства (более 70%) и коррупция (около 100%), которая заставляет их выискивать скрытые источники доходов [14]. Интервью, проведенные летом–осенью 2003 г., показали вынужденность пребывания бизнеса «в тени»: «Нам (предпринимателям) не выгодно работать в тени, так как без финансовой прозрачности трудно найти дополнительные источники инвестиций»; «Уход предпринимателей в тень — это следствие ошибок в экономической политике государства».

Изменения в политике наметились в 2002 г., когда по инициативе президента В.В. Путина были приняты решения, означающие «налоговую революцию» для малых предприятий. Налоговое бремя на малый бизнес уменьшается втрое: предполагается, что выход из «тени» значительной части предпринимателей с лихвой компенсирует потери бюджета и существенно повысит активность деловых людей. Руководители предприятий получают возможность платить в бюджет либо 8% от выручки, либо 20% от чистого дохода [15, 16]. Однако интервью, проведенные нами в мае–октябре 2003 г., подтверждают, что неформальные практики взаимоотношений чиновников с бизнесменами не изменились. Приведу высказывания представителей малого и среднего бизнеса из Москвы, Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга. «Я делаю все, чтобы не показать, сколько у меня на самом деле денег. Из тени не выходим. А нахождение в тени ставит всех предпринимателей в положение угрозы постоянной, что что-то такое может произойти, что ты что-то не так платишь и так далее». «Что касается

государственной политики, то надо убрать чиновничий рэкет, потому что я не могу ничего сделать, не приплатив чиновнику». «Все контролирующие структуры из-за плохого их финансирования из федерального бюджета перешли на коммерческую основу предоставления различных услуг — вот как осуществляется защита».

Предприниматели отмечали, что в последнее время неформальные отношения бизнесмена с чиновником не сводятся лишь к взяткам. Если раньше чиновник старался «урвать» и уйти в сторону, то теперь возникает тенденция к долговременному взаимодействию. Повидимому, в современных российских условиях на всех уровнях завершается становление неформальных контракт-отношений, обеспечивающих взаимную стратегическую и тактическую поддержку. Этот тип отношений превращается в социальную норму. Практически во всех сложных ситуациях, когда в целом ресурсы общества уменьшаются, возникает проблема их перераспределения или пропорционального сжатия. Элита любого общества пытается сделать это за счет нижерасположенных слоев. Но при этом у нее всегда есть выбор между низшими и средними слоями.

На первом этапе реформирования, при Б.Н. Ельцине, элита (высшие слои бюрократии в альянсе со складывающимся крупным бизнесом) «ударилась» по всем нижерасположенным слоям, кроме групп, обслуживающих ее интересы. Но возможности элиты получить дополнительные ресурсы за счет низовых категорий населения были минимальными. Средние же слои определенный «запас прочности» имели. Поэтому в этот период наиболее ущемленными оказались представители средних слоев, прежде всего профессионалы.

В послеельцинские времена, связанные с приходом к власти правительства Е.М. Примакова, а позднее с избранием президентом В.В. Путина, увеличивающиеся ресурсы частично были использованы для стабилизации и улучшения положения низов (рост пенсий, увеличение заработной платы низшим группам). Что касается срединных групп, то рост заработной платы и семейных доходов у них был небольшим по сравнению с потерями, которые они понесли в предыдущие годы. Потери «старых» (применительно к постсоветской России) срединных групп, то есть профессионалов, за годы реформ выразились в сжатии ресурсов, необходимых для воспроизводства социального статуса их семей (для продолжения профессионального обучения, хорошего образования для детей, укрепления здоровья, улучшения, а во многих случаях просто сохранения уровня обеспеченности жильем, пополнения домашних библиотек, обзаведения компьютерами, современными бытовыми приборами и т. д.). К этому следует добавить реальную незащищенность профессионалов от администрации и высшего менеджмента после принятия нового Трудового кодекса. Новой и, судя по интервью, острейшей стала проблема

безопасности. Развитие системы частных охранных агентств создало условия для безопасности бизнес элиты, а должностным лицам безопасность гарантирует государственная служба охраны. Привилегированные слои концентрированно проживают в элитных пригородных поселениях и в домах со специальной охраной, расположенных автономно внутри города, что приводит к социальной сегрегации городского пространства. В связи с почти полным отсутствием милицеской защиты «простого» населения основные угрозы приходится на средние слои, поскольку низы обычно не представляют интереса для криминала.

В постсоветские годы возникли и позитивные факторы, воздействующие на жизнедеятельность профессионалов и воспроизводство их социального статуса. Появилась свобода выезда и устройства на работу в других странах. Исчезли формальные ограничения на смену места жительства внутри страны; правда, следует иметь в виду, что смена места жительства и работы требует значительных затрат со стороны либо самого профессионала, либо его потенциального работодателя. Но потребности процветающих отраслей добывающей промышленности в профессионалах минимальны. Соответственно, большинство из них должно быть востребовано другим бизнесом с высоким инновационным потенциалом, обычно малым и средним, нуждающимся в государственной поддержке. Резко расширились возможности получения информации для повышения профессионального уровня (доступность зарубежной информации, Интернет и т. д.). Однако и здесь сказывается элементарная бедность основной массы профессионалов: нет полицейских ограничений, но нет и материальных ресурсов. Так же обстоит дело с охраной здоровья. В крупных городах, где и проживает большинство профессионалов, имеются фитнес-клубы, бассейны, современные медикаменты и новейшее лечебное оборудование. Однако доходы большинства профессионалов делают эти необходимые для нормального воспроизводства блага недоступными. Здесь опять-таки не чувствуется государственной воли, стимулирующей организацию благ и услуг для этой категории.

Большинство профессионалов подчеркивало привязанность к своему делу, отсутствие склонности к занятию бизнесом. *«Я считал себя специалистом, и... у меня была достаточно интересная работа. И мне не хотелось менять эту работу на бизнес». «...Я люблю заниматься именно медициной, а не организаторской работой».* Правда, часть из них, словно бы стесняясь, добавляла: *«Я свою работу люблю, у меня нет никаких неприятных сторон. Здесь вполне все устраивает, кроме зарплаты».* Учитель из Нижнего Новгорода так определил позицию, видимо, большинства: *«Не нравится зарплата — очень банальное общее мнение. А единственное, что здесь держит — интерес, несмотря на усталость, я так полагаю».*

Все респонденты относятся положительно к дополнительной работе. *«У меня куча всяких работ, я даже затрудняюсь сказать. Эта работа хороша тем как раз, что она не очень обременительна. Я могу заниматься кучей других дел»* (это заявил москвич, математик, научный работник). Респонденты совмещают работу по специальности и с работой в смежных областях, и с работой, никак не связанной с их профессией. Вот достаточно характерный пример: *«Я подрабатываю врачом-гинекологом на амбулаторном приеме и немного подрабатываю в фармацевтической фирме, занимаясь рекламой лекарственных препаратов. Несомненно, заработок на этих фирмах выше, чем в нашем институте»*. Конечно, такое использование времени может вести к деградации. Один из экспертов так оценил это девиантное по своей объективной характеристике поведение: *«Реально улучшение материального положения идет за счет множественной занятости. Очень часто люди работают не в одном месте, а в нескольких. Хотя это, конечно, работа на износ, работа, подрывающая качество основного труда»*. Другой эксперт добавляет: *«Самая большая проблема состоит в том, что их плохо и неадекватно оценивают. Профессионалу трудно где-нибудь у нас работать, нужно, чтобы он, во-первых, постоянно имел возможность повышать свою квалификацию и так далее, необходима текущая учеба, специальная переподготовка. Никто в этот капитал профессиональный не вкладывает деньги»*.

Зарботки профессионалов в Москве колеблются от 200 до 1000 долларов в месяц, а в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде — от 150 до 300 долларов. Нет нужды говорить, что в других, менее благополучных, городах и тем более в сельской местности положение неизмеримо хуже. Следует добавить, что и эти деньги далеко не всегда проходят через кассу соответствующих организаций. Зачастую это теневые доходы. *«300 долларов — мой заработок. Белые деньги — 1200 рублей, остальное — черные»*. *«Это 200 долларов. Платят регулярно. Но это не белые деньги, расписываюсь я за большую сумму. Здесь выписывается большая сумма для того, чтобы наличка оставалась на расходы»*. Что касается ситуации с возможностью получения платных услуг, то немосквичи отмечают, что заработок не позволяет им пользоваться всеми необходимыми платными услугами: *«Какими-то услугами могу пользоваться, но не всеми. Дочка занималась у нас на курсах, но еще что-то дополнительное будет уже проблематично»* (инженер-конструктор из северной столицы).

В целом оценка экспертами положения профессионалов в разных сегментах рынка труда противоречива. С одной стороны, процветающие и динамично развивающиеся фирмы увеличивают спрос на специалистов с гарантированной высокой оплатой труда, а с другой — *«это опять-таки беда России — обилие низкооплачиваемых высококвалифицированных рабочих мест»*. Занимающие эти места люди в основном трудятся в государственном секторе, и их судьба зависит от политики государства.

Говоря о возможностях защиты прав профессионалов, эксперты отмечали: *«К сожалению, у нас очень подорваны навыки самоорганизации, поэтому очень слабы любые формы коллективной самозащиты. В основном это действительно стратегии индивидуального выживания».* *«Весь мир борется с помощью профсоюзов. У нас это не распространено. Но, наверное, в первую очередь, это хорошее знание трудового законодательства. Если я иду устраиваться на работу, я прекрасно должна знать, какие права я имею и каким образом я имею возможность эти права отстаивать».* *«Профессионалы должны объединяться».* *«Очень просто. Первое — это создавать профессиональные сообщества и ассоциации с сильным лоббирующим ядром, чтобы они продвигали свои интересы. Второе — это, я думаю, то, что называется радикальной мерой. Это акты гражданского неповиновения, забастовки и так далее».*

Последствия политики по отношению к профессионалам общеизвестны: именно здесь мы понесли наибольшие потери, связанные с эмиграцией за границу компетентных специалистов в самом продуктивном возрасте. Хотя у нас нет систематических данных, известно, что за 1990–1999 гг. страну покинули 80% математиков и 50% физиков мирового уровня. Это около 8 тыс. человек, чей отъезд критически опасен для отечественной науки. Предположительно в США работают около 1 млн. профессионалов, покинувших Россию. По оценке академика В.Е. Захарова (сентябрь 2003 г.), в университетах США к началу 2000-х годов работало 10–15% математиков и физиков — выходцев из России. Он отмечает: *«Мы сделали Западу огромный подарок. Реальная перспектива необратимых процессов: лет через 20, когда уйдет наше поколение, из России уйдет и наука».* Методика, принятая ООН, дает возможность измерить упущенную выгоду от эмиграции одного специалиста с высшим образованием, ученой степенью. Она оценивается в 300 тыс. долларов. Очевидно, что потери страны измеряются десятками миллиардов долларов. Между тем, технологии поддержки профессионалов, помогающие снизить уровень их эмиграции и повысить долю наукоемкой продукции в ВВП, успешно реализуются не только в странах с административными ограничениями на выезд, но и в таких небогатых демократических государствах, как Индия. Располагает подобными возможностями и Россия. Проблема именно в проводимой политике.

Характерно, что в благополучном 2000 г. затраты на науку составили лишь 2,05% государственного бюджета и были в 30 раз меньше, чем в 1990 г.; в 2003 г. они поднялись до 2,19% и достигли 39,9 млрд. рублей, то есть примерно 1,3 млрд. долл. Между тем, по закону «О науке и государственной научно-технической политике», принятому в 1996 г., государство взяло на себя обязательство финансировать научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы гражданского назначения в размере не менее 4% расходной части бюджета. В

марте 2002 г. на заседании Совета безопасности, президиума Госсовета и Совета по науке и высоким технологиям была выработана новая государственная политика финансирования науки. Она нашла отражение в итоговом документе «Основы политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу». По этому документу четырехпроцентная норма распространяется не на всю гражданскую науку, а только на фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу. В финансовой части этого документа отмечено, что четырехпроцентный минимум будет достигнут лишь в 2010 г. Тем самым реализация закона 1996 г., которая должна была начаться в 1997 г., отложена на 14 лет. В таких случаях возникает вопрос о той группе интересов, которой такая политика выгодна. Академик В.Е. Захаров объясняет проводимую политику специфическими интересами бизнес-элиты, тем, что «утечка умов» для олигархического капитализма *«не является проблемой. В сырьевой экономике проще приобрести взамен проданной нефти нужное оборудование, чем создавать что-то свое»*. В итоге по такому показателю, как конкурентоспособность экономики, Россия находится на 43 месте в мире; по индексу инновационности она занимает 28 позицию; по индексу же развитости информационных и коммуникационных технологий ее вообще нет в списке из 44 более или менее успешных стран [17–24].

Важной стороной государственной политики, затрагивающей интересы и профессионалов, и значительных групп представителей малого и мельчайшего бизнеса, является жилищно-коммунальная реформа. В апреле 1997 г. впервые предпринята попытка провести реформу жилищно-коммунального хозяйства страны. В 2001 г. эта попытка была возобновлена с гораздо большей энергией. Смысл ее состоял в том, чтобы возложить все расходы по содержанию жилья на население. При этом были обещаны субсидии бедным. Проблема, правда, в том, кого отнести к бедным. Планируемые субсидии реально распространятся лишь на нищую часть населения, а не на всех бедных. Что же касается не только умеренно бедных, но и относительно благополучных, то можно заранее предвидеть, что на все просьбы внести квартплату (с учетом удорожания не только жилья, но и электроэнергии, теплоснабжения и других услуг) с их стороны все чаще будет следовать ответ: «Нет денег». Выход может быть только один — превратить в бомжей десятки миллионов россиян, тех самых, кто мог бы составить ядро как слоя предпринимателей, так и других средних слоев.

Трудно не согласиться с теми авторами, которые рассматривают реформу в ЖКХ как настоящий поход против средних слоев. Именно с этих групп населения собираются взять так называемую полную стоимость коммунальных услуг; но порядочная часть наших «средних»

удерживается в этом положении, в частности, и из-за низких цен на муниципальные услуги, позволяющие им при относительно скромных доходах вести более или менее достойную жизнь⁴.

Заключение

Прежде всего, необходимо отметить очевидное несовпадение политики правящих кругов с заявленными приоритетами по формированию среднего класса. Приведенные выше примеры такого несовпадения явно имеют системный характер. В них, на наш взгляд, и проявляется природа российского общества как не капиталистического, а по-прежнему этакратического. Такие общества не содержат классов, в них нет и не может быть среднего класса [26].

Россия постреформенная оказалась перед чрезвычайно сложной проблемой. Защищать нужно и малоимущих, и в не меньшей степени тех, кто относится к средним слоям (профессионалов, предпринимателей и проч.). В течение всего постсоветского периода социальная политика, воплощавшая интересы правящих групп, по крайней мере, не препятствовала (а, возможно, и содействовала) торможению создания среднего класса в его предпринимательской части и деградации профессионалов — второй значимой составляющей этого класса. Средние слои ущемлены в своих социально-экономических правах. Не случайно их доля, численность и общественное значение не соответствуют показателям, выработанным в развитых странах мира. Начиная с 2000 г. в государственной политике наметилась тенденция, характерная для советского периода, — возвращение к тесному взаимодействию элиты со слабыми социальными группами в ущерб социальным интересам средних слоев.

Для России концентрация приоритетов государственной политики на защите социальных прав «исключенных из общества» особенно опасна, поскольку это грозит разрушительными последствиями неокрепшим средним слоям. Из-за отсутствия механизмов обратной связи

⁴ Расчеты, проведенные в 2002–2003 гг. в соответствующих комитетах Государственной Думы, показали, что все разговоры про полную оплату услуг ЖКХ вообще лишены смысла. Население давно уже оплачивает 150–200% от того, что реально потребляет. Нормативы потребления в России завышены в несколько раз. Считается, что один человек в сутки потребляет 300 литров воды. При 90% оплате он платит, соответственно, за 270 литров. Люди, установившие у себя дома счетчики, практически везде выяснили, что реальное потребление не превышает 60–80 литров в день. Даже по официальным данным Госстроя, 40% тепла и 25% воды теряются на трассах. Опять же ссылаясь на данные Госстроя, заметим, что после того, как в Петербурге начали установку счетчиков, оказалось, что «потребление» газа сократилось на 17%, а воды — на 20%. Не случайно, что «коммунальщики активно сопротивляются введению счетчиков» [25].

власти не могут осознать реальную социальную ситуацию: в России и ныне, и на ближайшую перспективу невозможны широкие социальные движения, адекватно выражающие интересы массовых социальных групп. Поэтому особое значение приобретает аналитическая деятельность по выявлению социальных проблем.

Трансформационные процессы в России привели к устойчивому воспроизведению нежелательных типов поведения представителей средних слоев как единственно возможному способу адаптации к нормативной структуре общества, в которой отсутствуют механизмы защиты их социальных прав. Основной метод адаптации состоит в массовом отклоняющемся поведении, порождающем деструктивный характер воспроизводства средних социальных слоев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996.
2. *Аврамова Е.М.* Появился ли в России средний класс? // Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН, 1999.
3. *Заславская Т.И., Громова Р.Г.* К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. 1998. № 4.
4. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. М.: Гендальф, 2003.
5. Средний класс в России: количественные и качественные оценки / Е.М. Аврамова, Л.М. Григорьев, Т. П. Космарская и др. М.: Бюро экономического анализа, 2000.
6. Средний класс в современном российском обществе / Под общ. ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой, А.Ю. Чепуренко. М.: РОССПЭН, 1999.
7. *Тихонова Н.Е.* Факторы стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.
8. *Wright E.O.* Classes. London: Verso Editions, 1985.
9. *Хахулина Л.А.* Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 2.
10. *Кивинен М.* Перспективы развития среднего класса в России // Социологический журнал. 1994. № 2.
11. *Умов В.И.* Российский средний класс: социальная реальность и политический фактор // Полис. 1993. № 4.
12. *Шкаратан О.И.* Социальные реалии России начала 2000-х гг.: предварительные итоги представительного опроса россиян // Мир России. 2003. № 2.
13. Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002.
14. Финансовые известия. 2002. 4 апреля.
15. Известия. 2002. 9 апреля.
16. Известия. 2002. 10 апреля.
17. *Вишневский А., Зайончковская Ж.* Четвертый вал эмиграции // Московские новости. 1992. 9 февраля.

18. Вишневский А., Зайончковская Ж. Волны миграции: новая ситуация // Свободная мысль. 1992. № 12.
19. Долгих Е. Почему уезжают ученые // Московские новости. 1993. 4 апреля.
20. Павлюткин В. «Мышеловка» для академиков // Мир за неделю. 1999. № 12. 13–20 ноября [перепечатка из «Красной звезды»].
21. Ахиезер А.С. Эмиграция как индикатор состояния российского общества // Мир России. 1999. № 4.
22. Известия. 2001. 7 мая.
23. Известия. 2003. 13 сентября.
24. Поиск. 2003. 3 октября.
25. Реформу ЖКХ тормозят только выборы / Под ред. Л. Левинсона // Бюллетень неправительственных организаций. Законотворческий процесс в Государственной Думе: правозащитный анализ. 2003. Вып. 54. <<http://www.demokratia.ru/analyst/reviewlaws/2003/54/>>
26. Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита Пресс, 2004.